

УДК 323.11

Получено 29.01.2018 Одобрено 22.02.2018 Опубликовано 05.04.2018

Карсанова Е.С.д-р. полит. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва

e-mail: karsanova@mail.ru

К вопросу о стратегиях этнокультурной политики современных государств

Аннотация

Еще в конце 2010 г. – начале 2011 г. политическими лидерами Германии, Великобритании и Франции сделаны заявления о «провале мультикультурализма», что действительно стало доминантным событием в социально-политической и этнокультурной жизни Западной Европы. Безусловно, лидеры трех ведущих стран Европейского Союза не поставили под сомнение необходимость гармоничного сосуществования представителей различных этнокультур и религий в одном государстве. Они акцентировали внимание мировой общественности на неверно выбранном принципе организации взаимодействия различных этноконфессиональных и культурных общин, проживающих на территории современного национального государства. И действительно, сегодня, когда практически повсеместно состав современных национальных государств утрачивает свою однородность, а взрывные силы мультикультурности порождают очень серьезные политические и социокультурные проблемы, актуализируется вопрос, можно ли найти адекватный эквивалент для того, чтобы достичь единения гражданской и этнической нации. Данная статья – это попытка дать ответ на этот вопрос. Анализ трендов развития современной этнокультурной политики в ряде стран современной Европы дает основание рассматривать динамику протекающих этнополитических и социокультурных процессов в одних случаях как способ решения актуальных экономических задач и обращения с массой трудовых мигрантов, в других – как поиск оптимальных способов искусственного построения единого мультикультурного пространства. Результаты предпринятого исследования позволяют заключить, что декларация принципов мультикультурализма не дает гарантии достижения межэтнической толерантности, напротив, его функциональное применение как некоего технического приема заведомо бесперспективно как раз там, где реализуется целевая государственная политика по ее достижению.

Ключевые слова:

мультикультурализм, этнокультурный плюрализм, этнокультурная политика, этнические меньшинства, межнациональные отношения, общегражданская идентичность.

Karsanova E.S.Doctor of Political Sciences,
State University of Management,
Moscow

e-mail: karsanova@mail.ru

To the question of ethno-cultural policy of contemporary states

Abstract

At the end of 2010 – beginning of 2011 political leaders of Germany, Great Britain and France made statements for «a multiculturalism failure» that became a significant event in socio-political and ethnocultural life of Western Europe. Certainly, leaders of three leading countries of the European Union didn't put into question the need of harmonious coexistence of representatives of various ethnocultures and religions in one state. They focused attention of the world community on incorrectly chosen principle of the organization of interaction of various ethnoconfessional and cultural communities living in the territory of the national state. Today practically everywhere the structure of modern national states loses the uniformity, and explosive forces of multiculturalism generate very serious political and sociocultural problems. Due to that we encounter with the question whether it is possible or not to find an adequate background to reach a unification of the civil and ethnic nation? This article is an attempt to answer this question. The analysis of trends in modern ethno-cultural policy in some European countries allows us to consider the dynamics undergoing ethno-political and sociocultural processes, in some cases as a solution to actual economic tasks and labor migration, in others – as a search for optimum ways of artificial creation of unified multicultural space. The conducted research allows to conclude that the declaration of the principles of multiculturalism doesn't give a guarantee of achievement of interethnic tolerance, on the contrary, its functional application in a form of a certain formal technique, is obviously unpromising right where the target state policy is realized.

Keywords:

multiculturalism, ethno-cultural pluralism, ethno-cultural policy, ethnic minority, international relations, all-civil identity.

© The Author(s), 2018 This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Культурное пространство начала двадцать первого столетия основано на новых глобальных культурных реалиях. По этой причине политические и идеологические модели и механизмы межкультурных отношений вызывают широкие дискуссии. Одной из проблем глобализации сегодня является проблема

сохранения, наряду с процессом социокультурной унификации, культурного разнообразия, отношений и сосуществования отдельных культурно-исторических сообществ. В этой развивающейся ситуации культурные и политические дискурсы постепенно становятся «реалистичной парадигмой» межкультур-

ных отношений, формирующих «поликультурные, транскультурные, межкультурные» и связанные с ними концепции и подходы.

Сегодня очевидным представляется тот факт, что наличие этнического и культурного разнообразия становится глобальным вызовом для современного национального государства, а критика идей мультикультурализма становится устоявшейся политической тенденцией. В то же время, для отдельных стран, в том числе и для России, концепция мультикультурализма по-прежнему остается неотъемлемой частью осуществляемых либеральных реформ. Это и объясняет повышение интереса к проблеме мультикультурализма, а поиск новых, адекватных стратегий этнокультурной политики до сих пор остается актуальной задачей для многих современных государств и регионов мира.

Сегодня взгляды на перспективы мультикультурализма диаметрально противоположны. Некоторые считают, что мультикультурализм является основополагающим условием сосуществования культур. Другие утверждают, что идея мультикультурализма в принципе несет в себе большие риски. В то время как третья группа считает, что мультикультурализм в современных условиях является новым типом модернизированной дискриминации в процессе глобализации [3; 4].

В качестве отправной точки для понимания того, что такое мультикультурализм, целесообразно обратиться к канадскому закону о мультикультурализме. Закон о многокультурности Канады подчеркивает, что каждый гражданин имеет право на свободу религии... и в равной степени гарантирует эти права и свободы мужчинам и женщинам [8]. Более того, мы обнаруживаем, что мультикультурализм требует сохранения прав, тесно связанных с идентичностью. Действительно, в Канадском законе о многокультурности правительство поощряет понимание того, что мультикультурализм, отражая культурное и расовое многообразие, является ценнейшим ресурсом в формировании будущего Канады [8]. Другими словами, мультикультурализм в Канаде напрямую связан с индивидуальными правами и свободами, но это не исключает того, что коллективные права могут быть поставлены на карту в обсуждениях, касающихся мультикультурализма, и что они могут вступать в противоречие с индивидуальными правами.

ЮНЕСКО выделяет три взаимосвязанных, но вместе с тем отличительных характеристики мультикультурализма: демографически-описательное, программно-политическое и идеологически-нормативное. Первое относят к сегментам этнического (расового) разнообразия, и это представление

о том, что такие различия имеют определенное социальное значение. Второе касается конкретных типов политических инициатив и программ, призванных управлять этническим разнообразием. Третий представляет собой алгоритм политических действий, основанный на теоретизировании и этико-философском размышлении о роли и месте тех, кто имеет отличительные культурно-конфессиональные идентичности в конкретном обществе [9].

Таким образом, происходит смешение разных уровней понимания термина «мультикультурализм»:

- как реальной ситуации в обществе;
- как политики и стратегии управления;
- как научного теоретического построения и научной концепции [10].

С точки зрения предпринятого исследования более продуктивно толковать понятие «мультикультурализм» как политику государства, ориентированную на гарантированное признание этнического плюрализма, утверждение норм социальной справедливости каждого представителя национальной культуры, а также как теоретическое и политико-идеологическое обоснование такой политики.

Дискурс мультикультурализма получил политико-идеологическую привлекательность в европейских государствах в 1980-х гг. — начале 1990-х гг. Шенгенские соглашения 1985 г. и 1990 г. стали основанием для согласования странами условий выдачи краткосрочных виз, а Амстердамский договор (1997 г., ст. 73К) предопределил для Совета Европы (далее — СЕ) основные направления иммиграционной политики в вопросах законного и незаконного въезда и пребывания. Государства — члены СЕ обладают правом самостоятельно определять методы формирования гражданского общества и формы межэтнического взаимодействия в своих странах, т. е. принципы организации межэтнического взаимодействия, понимание и содержание обращения к мультикультурализму в европейских странах различны. «Испытание» мультикультурализмом происходило и происходит в принципиально разнящихся по экономическим, социально-политическим, этнокультурным, этнодемографическим характеристикам государствах, где он либо является неотъемлемой частью государственной политики и закреплен законодательно (Канада, Австралия), либо его главные принципы находятся в фокусе внимания при разработке стратегий внутриполитического развития государства (Великобритания).

В большинстве европейских столиц четверть или треть жителей — из-за рубежа, и значительная часть из них — из развивающихся стран. Сегодня из-за процессов глобализации, демографии и миграции в обществе сосуществуют разные культуры и религии.

В 1957 г. термином «мультикультурализм» характеризовалась внутренняя политика Швейцарии. В 1970-х гг., когда в канадское правительство принял Официальный акт о мультикультурализме, его идеи получили официальное признание и в других европейских странах. Можно согласиться с мнением, что мультикультурализм задумывался в первую очередь как программа по строительству нации и был выдвинут в противовес квебекскому сепаратизму [12]. Идея заключалась в том, чтобы перекрыть квебекский сепаратизм признанием более широкого этнического и культурного разнообразия. В 1972 г. в структуре Департамента госсекретаря был образован Директорат по мультикультурализму, а новая государственная стратегия была законодательно закреплена в 1982 г. в Декларации прав и свобод и Акте о мультикультурализме в 1988 г. Канадская модель мультикультурализма должна была выступить основанием для строительства нового национального самосознания граждан.

Особенностью канадского мультикультурализма стало существование в Канаде двух противоположных этнических сообществ (французского и британского), наличие которых предоставляло возможность выбора типа социализации, базирующихся на различиях культуры и исключало возможность жесткой ассимиляции. Основным ориентиром канадской модели мультикультурализма – защита и наделение особыми правами коллективных индивидов – представителей иных этнокультур и национальных меньшинств. Члены этнических сообществ Канады имеют практическую возможность пользоваться родными языками и рядом прав, закрепленных в Хартии Прав и свобод. Подобная стратегия, основанная на признании государством этнического и культурного плюрализма в качестве доминантной характеристики гражданского общества, кажется, доказывает свою эффективность.

Таким образом, в Канаде удалось сформировать то, что Ч. Тейлор назвал идеологией мультикультурализма, т. е. понимание того, что современное общество способно и должно приветствовать и интегрировать этнокультурные различия [2].

Успешную реализацию политики мультикультурализма продемонстрировала и Австралия, приняв ряд законов, ориентированных на обеспечение равных возможностей для всего полиэтничного населения страны. Мультикультурализм в Австралии институционализирован в 1979 г. с учреждением Австралийского института по вопросам культурного многообразия. В 1987 г. по инициативе правительства страны основано Управление по проблемам мультикультурализма (в 1996 г. вошло в структуру Департамента иммиграции). В 1987 г. образован Национальный

консультативный совет по вопросам мультикультурализма основным назначением которого стала разработка основных направлений государственной этнокультурной политики. Правительство поощряло учреждение различного рода ассоциаций и советов, деятельность которых была направлена на развитие различных этнических культур. Особенностью австралийской модели мультикультурализма является государственная и индивидуальная ответственность за создание оптимальных условий для представителей неидентичных этнокультур и конфессий. Уступки властей Австралии в пользу этнических меньшинств по факту изменили сущность адаптационных процессов: члены национальных диаспор сочли возможным не принимать во внимание требований нового окружения. В результате австралийское общество вместо межнациональной гармонии получило межкультурное дистанцирование – добровольное обособление представителей этнокультурных групп, т. е. «сегрегацию наоборот» [13].

Разница между канадской и австралийской моделью мультикультурализма заключается, прежде всего, в том, что в Канаде суть политических программ сводилась к сохранению и поощрению этнолингвистических общин, а в Австралии к признанию права за каждым индивидом на культурную идентичность и интеграцию общества.

Идеи плюралистического толка были реализованы и в Соединенном Королевстве Великобритании. В Великобритании мультикультурализм никогда не провозглашался официальной доктриной и специальных мер по поддержке этнокультурных меньшинств не проводилось. И хотя национальным меньшинствам в Великобритании никогда не предоставлялось широких коллективных прав, они всегда рассматривались как полноправные члены мультикультурного общества. Здесь защита этнических меньшинств («расовых меньшинств») выражается, прежде всего, в правовой поддержке, которая на практике проявляется в том, что тот или иной представитель этнического меньшинства может обратиться в суд с заявлением о нарушении его прав не как индивида, а как представителя этнокультурного меньшинства.

Известные события августа 2011 г. в иммигрантских кварталах Лондона и ряде других английских городов (Ливерпуле, Манчестере, Бристоле), кровавая расправа 22 мая 2013 г. в районе Южного Лондона дают повод предполагать, что издержки британской мультикультурной политики оказались значительными, и это становится все более очевидным.

Сегодня на смену мультикультурализму все чаще приходит нетерпимость к любому проявлению инаковости. Только 8 % населения Великобритании

поддерживает государственную политику в отношении этнических и религиозных меньшинств, что безусловно свидетельствует о кризисе британской модели мультикультурализма [11].

Альтернативой английской политике плюрализма — стала ассимиляторская политика Франции, запрещающая групповые привелегии и провозглашавшая равенство всех перед государством. Несмотря на «мозаичность» своего общества Франция никогда не позиционировала себя как многонациональное государство, а реализация на практике принципов мультикультурализма вступало в противоречие с французским пониманием «государства-нации», что, собственно, и привело к этнополитическим конфликтам в пригородах Парижа осенью 2005 г. С 1990-х гг. XX в. во Франции нарастают обвинения со стороны регионов, которые недовольны диктаторской политикой Центра, в том числе и в этнокультурной области. Вероятно, эти события и процессы стали причиной переосмысления французской государственной политики в отношении этнокультурного разнообразия населения страны.

Исследуя этнокультурную политику Франции 1990-х гг., А. Харгривс определяет задачу, которую решало французское правительство как «вынужденность выбора между политикой плюрализма и политикой исключения. Сделав выбор в пользу золотой середины, французская политика нацелена на принятие культурных различий при условии, что сами меньшинства ограничивают эти различия рамками доминирующих культурных норм» [10, с. 23–26]. Республиканский принцип Франции гласит: все граждане Франции — французы.

Модель мультикультурализма которая получила развитие в Германии базируется, скорее на этнических принципах, нежели на политических. В Германии мигрантам из Турции долгое время не позволяли получить гражданство в третьем поколении и стать частью немецкого общества. Сегодня же существование национальных школ, получение знаний на турецком языке, проживание в национальных анклавах не только не формирует потребности в изучении немецкого языка, но и блокирует возможность их продвижения по социальным лифтам и включения в социальное воспроизводство общества. На практике такие «мультикультурные» меры подготовили почву для появления в социальной структуре нового этнокультурного «параллельного общества», спровоцировали его стойкий этнокультурный изоляционизм, и принимающая страна получила потенциальную этнополитическую нестабильность и угрозу своей национальной безопасности. Есть основания утверждать, что политика

мультикультурализма в данном случае рассматривалась, скорее, как способ обращения с массой трудовых мигрантов и была ориентирована в большей мере на сегрегацию, чем на интеграцию.

Таким образом, декларативный мультикультурализм сам создает условия для существования «параллельных обществ», обособляет не только нацменьшинства, но и большинство, препятствуя восприятию ими нацменьшинств [5]. По замечанию Ч. Тейлора, политика межэтнической интеграции и борьба с дискриминацией может быть успешной только в том случае, если общественность принимающей стороны убеждена, что приток иммигрантов — это благо, если население приветствует этнокультурное разнообразие, поскольку считает, что оно способствует более динамичному и прогрессивному развитию их страны [2]. Учреждение в границах одного государства различных культурных институтов отдельно для этнических меньшинств и отдельно для населения титульной нации не только не решает проблему, но и провоцирует увеличение межкультурной дистанции. Стойкая психологическая отчужденность иммигрантов, их низкий политический и социально-экономический статус — неоспоримое тому подтверждение.

Вероятней всего, мультикультурное общество лишь в том случае может сохранить единство, если будет способно сочетать этнокультурные различия и равенство стартовых возможностей для всех граждан страны. Соответственно никакие декларации, целевые программы и правительственные меры не принесут желаемого результата, если не будут решены вопросы экономического и социально-структурного свойства. Представляется, что инкорпорация иноэтничного населения в социальные институты возможна путем активного включения его в социальное воспроизводство общества, а также путем формирования оптимальных условий для разделения труда. Структурная дифференциация, способствуя модификации усвоенных ценностей, будет порождать «стремление к универсальности» и склонять этнические группы к интеграции в принимающее общество [1]. В перспективе структурные трансформации внутри этнической группы могут ускорить процесс единения гражданской и этнической наций. На основе таких интерпретаций, по замечанию Ю. Хабермаса, «...место первоначального национализма может занять «конституционный национализм» [7, с. 216].

Современной России приходится решать те же проблемы, с которыми столкнулись в разное время европейские страны: интеграция и консолидация полиэтнического общества, формирование пред-

ставлений об общегражданской идентичности, неконтролируемая миграция и др. Специфика российского мультикультурализма заключается в необходимости гармонизации межэтнических отношений преимущественно между гражданами Российской Федерации. Очевидно, правы те отечественные исследователи, которые указывают на необходимость институциональных изменений, которые бы поставили акцент не на механизмах функционирования российской социально-политической системы, а на потребностях индивидов, которым эта система служит [6]. Целью этих изменений должно быть соблюдение прав человека, которые не только должны лежать в основании режимов гарантирования культурных прав, но и предшествовать им [6].

Как показывает отечественный и зарубежный опыт, становление и развитие мультикультурализма, как постоянной практики компромисса и толерантности, является длительным и противоречивым процессом. Однако трудности и проблемы в сфере межэтнических отношений не означают невозможность практической реализации принципов мультикультурализма. А что касается идеи предполагаемого краха мультикультурализма, то следует отметить, что такие кризисы часто возникают в обществах: рост и спад не могут быть бессрочными и, следовательно, характерны для переходных процессов. Можно только надеяться, что такие кризисы в конечном итоге приведут к новым формам сосуществования.

Библиографический список

1. Волгин, О. С. «Владимир Соловьев о значении государства» / *Философские науки*. - 2015. - № 8. С. 7-10.
2. Выступление Ч. Тейлора на Мировом политическом форуме в Ярославле (10.09.2010 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://2010.gpf-yaroslavl.ru/viewpoint/CHarl-z-Tejlor-Zaschischaya-mul-tikulturalizm>. (дата обращения: 10.01.2018).
3. Карсанова, Е. С. Мультикультурализм и секуляризм как основные принципы современных либеральных обществ // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. - 2017. - № 2 (37). - С. 34-42.
4. Кэмерон призывает забыть о политике мультикультурализма // *Русская служба BBC* [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/uk/2011/02/110205_cameron_multiculturalism_failed.shtml (дата обращения: 19.01.2018).
5. Малахов, В. «Мультикультурализм в Западной Европе: по ту сторону риторики» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.sociologos.ru/novosti/Statya_politologa_Vladimir_Malahova_multikulturalizm_v_Zapadnoj_Evrope_po_tu (дата обращения: 15.01.2018).
6. Соколовский, С. В. К критике политики мультикультурализма. Режим доступа: http://old.heritage-institute.ru/images/6/6d/EM14_p47-60.pdf (дата обращения: 11.01.2018).
7. Хабермас Ю. *Вовлечение Другого. Очерки политической теории*. СПб.: Наука, 2001. - 417 с.
8. Canadian Multiculturalism Act // Режим доступа: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-18.7/> (дата обращения: 03.12.2017).
9. UNESCO «Учимся жить вместе: мультикультурализм» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: www.unesco.org/new/en/social-and-human-sciences/themes/international-migration/glossary/multiculturalism/ (дата обращения: 09.01.2018).
10. Hargreaves, A. *Immigration, «Race», and Ethnicity in Contemporary France*. London: Routledge. 1995, pp. 23-26.
11. Karsanova, H. To a Question of New Strategies of Ethnopolitical Policy of Modern States // *Mediterranean Journal of Social Sciences*, Rome, Italy, 2013, Vol. 4, I. 9, pp. 23-26.

References

1. Volgin O. S. «Vladimir Solov'ev o znachenii gosudarstva» [*Vladimir Soloviev on the Meaning of the State*]. *Filosofskie nauki* [*Philosophical Sciences*], № 8, 2015, pp. 7-20.
2. Vystuplenie Ch. Tejlora na Mirovom politicheskom forumе v Jaroslavle (10.09.2010 g.) [*The Speech of Ch. Tailor at the World Political Forum*] Available at: <http://2010.gpf-yaroslavl.ru/viewpoint/CHarl-z-Tejlor-Zaschischaya-mul-tikul-turalizm> (accessed: 10.01.2018).
3. Karsanova E. S. Mul'tikul'turalizm i sekuljarizm kak osnovnye principy sovremennyh liberal'nyh obshhestv [*Multiculturalism and Secularism as the Basic Principles of Contemporary Liberal Society*] *Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij* [*The Questions of National and federal Relations*], 2017, № 2 (37), pp. 34-35.
4. Kjemeron prizyvaet zabyt' o politike mul'tikul'turnosti [*Cameron Invokes to Forget about the Multiculturalism*] *Russkaja sluzhba BBC* [*BBC Russian Service*]. Available at: http://www.bbc.co.uk/russian/uk/2011/02/110205_cameron_multiculturalism_failed.shtml (accessed: 19.01.2018).
5. Malahov V. «Mul'tikul'turalizm v Zapadnoj Evrope: po tu storonu ritoriki» [*Multiculturalism in Western Europe: Beyond the Rhetoric*]. Available at: http://www.sociologos.ru/novosti/Statya_politologa_Vladimir_Malahova_multikulturalizm_v_Zapadnoj_Evrope (accessed: 15.01.2018).
6. Sokolovskij S. V. K kritike politiki mul'tikul'turalizma [*Sokolovski S. V. The Critic of Multiculturalism Policy*]. Available at: http://old.heritage-institute.ru/images/6/6d/EM14_p.47-60.pdf (accessed: 11.01.2018).
7. Habermas, Ju. *Vovlechenie Drugogo. Oчерki politicheskoy teorii* [*Implication of Other: The Essays of Political Theory*]. SPb, 2008, p. 417.
8. Canadian Multiculturalism Act. Available at: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-18.7/> (accessed: 03.12.2017).
9. UNESCO «Learning to live together». Available at: www.unesco.org/new/en/social-and-human-sciences/themes/international-migration/glossary/multiculturalism/ (accessed: 09.01.2018).
10. Hargreaves A. *Immigration, «race» and ethnicity in contemporary France*. London, 1995, pp.23-26.

12. Landi Cravier. Le Canada, solution au problème d'identité européen? Режим доступа: <http://www.slate.fr/tribune/72049/canada-multiculturalisme-europe> (дата обращения: 14.01.2018).
13. Tiryakian, E. Assessing Multiculturalism Theoretically: E Pluribus Unum, Sic et Non / Multiculturalism and Political Integration in Modern Nation-States // International Journal on Multicultural Societies (IJMS) , 2003, Vol. 5, I. 1, pp. 20-40.
11. Karsanova H. To a Question of New Strategies of Ethnokultural Policy of Modern States //Mediterranean Journal of Social Sciences, Rome, Italy, October, 2013, Vol. 4, I. 9, pp. 23-26.
12. Landi Cravier. Le Canada, solution au problème d'identité européen? Available at: <http://www.slate.fr/tribune/72049/canada-multiculturalisme-europe> (accessed: 14.01.2018).
13. Tiryakian E. Assessing Multiculturalism Theoretically: E Pluribus Unum, Sic et Non / Multiculturalism and Political Integration in Modern Nation-States // International Journal on Multicultural Societies (IJMS), 2003, Vol. 5, I. 1, pp. 20-40.